

Владимир Шигин

Адмирал ДУБАСОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

Жизнь замечательных моряков

Владимир Шигин
Адмирал Дубасов

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Адмирал Дубасов / В. В. Шигин — «Горизонт», 2015 — (Жизнь замечательных моряков)

Книга известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина посвящена личности адмирала Ф. Дубасова, которая сегодня мало что говорит читателю. Имя его было оболгано историками, которые видели в нем палача Красной Пресни. На самом же деле адмирал Дубасов является одним из выдающихся военно-морских деятелей в истории России. Свой Георгиевский крест он получил за бесстрашную атаку турецкого броненосца на Дунае. Именно он первым поднял Андреевский флаг в Порт-Артуре. Именно он обеспечил в 1905 году поход 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Рожественского на Дальний Восток, блестяще переиграв англичан по, так называемому, Гульскому инциденту. Именно он восстановил государственный порядок и законность в революционной Москве в декабре 1905 года, за что подвергся двум покушениям. И, наконец, именно он первым оценил стратегическое значение Мурманска и будущей военно-морской базы Северного флота Полярный.

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Победы и поражения адмирала Дубасова	6
Мастер минных атак	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Виленович Шигин

Адмирал Дубасов

Правообладатель: Горизонт

Победы и поражения адмирала Дубасова

*Пушечный рёв
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царёв адмирал,
каратель Дубасов...*

Владимир Маяковский

Сегодня имя адмирала Дубасова мало что говорит читателю. Если о нём что ещё и помнят, то только то, что в декабре 1905 года адмирал подавил восстание в Москве. Именно за это имя Дубасова было предано анафеме. Если о нём вспоминали, то исключительно по Маяковскому...

И всё же не будем торопиться в окончательных оценках, а познакомимся с личностью одиозного адмирала подробнее. Право, он того стоит!

Мастер минных атак

Весной 1877 года русская армия устремилась в турецкие пределы. Россия протянула руку помощи братской Болгарии. Благоухали сады, солдат дурманил аромат цветущих яблонь и абрикосов. Полки шли на юг, на юг...

С ходу, форсировав Дунай, армия устремилась дальше. Однако в её тылу оставалась мощная турецкая флотилия – почти пять десятков боевых кораблей под началом опытного флотоводца Гуссейн-паши. Эту флотилию необходимо было если не уничтожить, то, по крайней мере, изгнать из районов переправ. За это трудное и опасное дело взялись несколько десятков моряков-балтийцев, у которых даже не было кораблей. Зато было новое, неведомое туркам, оружие – «мины-крылатки», которые они с осторожностью выгружали ночами с покрытых рогожей телег. Во главе отряда стал капитан 1-го ранга Иван Рогуля, с ним вызвались пойти отчаянные добровольцы: лейтенанты Дубасов, Скрыдлов, Шестаков.

Фёдор Дубасов принадлежал к известной морской династии. Старый русский дворянский род Дубасовых восходил своей историей к XVII веку. Фамилия упоминается в родовых книгах Тверской, Калужской, Смоленской и Пензенской губерний.

В своё время отец лейтенанта служил на Чёрном море и отличился в турецкой войне 1828 года. Морскую же свою родословную Дубасовы вели от славного петровского бомбардира Автонома Дубасова, геройски павшего при абордажном взятии шведского бота «Эсперн» в далёком 1709 году. С тех пор по воле Петра Великого на их фамильном гербе красовалась серебряная галера с золотыми вёслами – память о подвиге пращура.

Следуя фамильной традиции, Фёдор Дубасов в 1863 году с блеском закончил Морской корпус, с производством в корабельные гардемарины. В восемнадцать лет совершил своё первое кругосветное путешествие, по окончании которого поступил на академические классы и успешно окончил их в 1870 году.

Весной 1877 года балтийцы были настроены решительно, но пока они тряслись по разбитым валахским дорогам к неблизкому Дунаю, над рекой уже прогрехотали первые залпы. Армейцы и не думали сидеть сложа руки, моряков ожидаючи. И когда турецкий фрегат-броненосец «Люфти-Джелиль» попытался было пробиться к одной из переправ, он был расстрелян армейскими артиллеристами, взорвался и затонул на глазах у обескураженного Гуссейн-паши. А на следующий день прибыли на Дунай и балтийцы.

Дубасов, как приехал, так сразу – на берег, взял бинокль и стал рассматривать затопленный броненосец.

– Вот те на! – аж присвистнул. – Потопить-то потопили, а флаг снять позабыли.

Другие офицеры флотские тоже бинокли взяли. Точно! Над полузатонувшим неприятельским броненосцем развевался на мачте кроваво-красный турецкий флаг с полумесяцем и звёздами.

Этого русские моряки стерпеть не могли. Уже через полчаса в приёмной местного армейского начальника генерал-майора Салова сидел лейтенант гвардейского экипажа Фёдор Дубасов.

– С чем пожаловали? – осведомился генерал, с интересом разглядывая морского гвардейца.

– Прошу у вашего превосходительства разрешения мне на снятие турецкого флага с утопленного броненосца! – кратко доложил тот.

– Но ведь это опасно, господин лейтенант? – покрутил седой ус Салов. – Вот ведь и лазутчики доносят, что турецкие суда там уже намеренно видели.

– Не опасней, чем в штыковые атаки хаживать! – ответил лейтенант.

Ответ генералу понравился.

– Ах, молодость, молодость, – вздохнул он. – Впрочем, на войне как на войне. Поиск разрешаю и желаю удачи!

Старшим в поиск решил идти сам капитан 1-го ранга Рогуля. Кроме него, вызвались адъютант императора полковник Струков, есаул Дукмасов и, конечно же, сам Дубасов. В полночь на трёх паровых шлюпках храбрецы вошли в Мачинский рукав и, сбавив ход до малого, пошли мимо неприятельских позиций. Было тихо. Лишь где-то вдалеке слышалась редкая ружейная стрельба да ржали под берегом стреноженные кони. На подходе к «Люфти-Джелилю» столкнулись с первой неожиданностью – сразу три турецких монитора, все под парами, с боевым освещением.

– Никак, днём будут пытаться снять с корабля механизмы, – вполголоса резюмировал Рогуля. – Надо поторапливаться!

Две шлюпки остались в стороне, прикрывая третью. Дубасов тихо подошёл к борту разбитого броненосца, по-кошачьи взобрался на мачту, боцманским ножом перерезал фалы и уже с флагом в руках прыгнул в шлюпку. На обратном пути ещё умудрились подобрать в камышах обожжённого матроса с уничтоженного броненосца. Так и вернулись с флагом и пленником.

Генерал Салов был доволен:

– Лихо, лихо! Хоть сейчас к нам в пехоту записывай!

А боевая страда на Дунае только начиналась. В мае сильный отряд турецких кораблей внезапно появился у города Браилова, что расположен неподалёку от Мачинского рукава. Неприятельские броненосцы сразу же создали серьёзную угрозу армейским тылам. Турки были настроены весьма решительно. Надо было срочно что-то предпринимать. Моряки совещались недолго.

– Надобно произвести диверсию, и обязательно с успехом. Только это заставит турок отказаться от своих намерений, – предложил каперанг Рогуля. – Атаковать же следует на паровых катерах, их уже подвезли.

Командиром выбранных для атаки катеров был назначен Фёдор Дубасов. В ночь на четырнадцатое мая под проливным дождём от браиловской пристани отошли четыре катера, тотчас взявшие курс на Мачинский рукав, где располагались турецкие корабли. Головным шёл «Цесаревич» под началом самого Дубасова, далее в двадцати саженях «Ксения» лейтенанта Шестакова, «Джигит» мичмана Персина и «Царевна» мичмана Баля. Светила луна, проглядывавшая сквозь разрывы дождевых облаков. По команде Дубасова катера перестроились в боевой порядок.

На часах было два с половиной пополуночи. Наконец вдали показались неприятельские корабли. В середине рукава стоял на якоре крупный бронированный монитор, несколько далее под берегом ещё один, за последним угадывались контуры ещё одного парохода. Намётанным глазом моряки быстро определили своих противников: посреди реки флагманский «Сельфи», далее у берега «Килидж-Али», а далее канонерка «Фетхуль-Ислам». Всё это лучшие корабли Гуссейн-паши. Времени для долгих раздумий не оставалось. Конечно, хорошо бы атаковать сразу все суда, но сил для этого явно недоставало – решающее слово было за Дубасовым.

– Атакуем ближайший, «Сельфи»! – скомандовал он. – Шестаков ждёт конца моей атаки, чтобы меня поддержать. Остальные прикрывают, сообразуясь с обстановкой!

Внезапно на «Цесаревиче» упало давление. Дубасов вздохнул:

– Стоп машина!

Четыре раза за время атаки пришлось из-за неполадок останавливать машину на «Цесаревиче», но Дубасов от своих намерений отказываться и не думал. Наконец машинный унтер Гусев радостно доложил:

– Так что исправились, можем гнать всюю!

– Вперёд полный! – немедленно распорядился лейтенант. – Ну, держитесь, гололобые!

На подходе к монитору русских моряков с палубы окликнул часовой.

– Сизын адам! – невозмутимо отвечал Дубасов.

Часовой занервничал. «Сени адам» – означало «свой человек», обычный турецкий отзыв, но Дубасов переврал слова, и неприятельский матрос насторожился.

– Ким дыр о? (Кто идёт?) – закричал он вновь, слёргивая винтовку с плеча.

С соседнего катера пытался было отвечать ему Шестаков:

– Я панаджи деиль! (Я не чужестранец!)

Но Дубасов уже сблизился с монитором вплотную.

– А пошёл ты... – зло шепнул он и крикнул во всю глотку: – Ребята, заводи мину!

Часовой тут же пальнул в воздух. Вся турецкая команда спала на верхней палубе. Немедленно грохнуло одно орудие, за ним другое, третье... Дубасов целил в корму «Сельфи», чтобы, подорвав винт, лишить броненосец возможности двигаться. Подскочив под кормовой подзор, «Цесаревич» ударил своей крылаткой в борт броненосца. Оглушительный взрыв резко качнул монитор. Слышно было, как вода с оглушительным рёвом ринулась в огромную пробоину. Столб чёрного дыма взметнулся ввысь, поток воды захлестнул утлый катер. Черпнув бортом накатившуюся волну, «Цесаревич» беспомощно закачался. Дубасов скомандовал:

– Пускайте помпу!

– Повреждена при взрыве! – крикнули ему в ответ.

– Кочегар и машинист наверх! Тонем! – скомандовал он тотчас. – Будем подзывать своих!

В этот критический момент отличился матрос Кислов: буквально в какие-то минуты он умудрился пустить повреждённую помпу. Вода стала быстро убывать, катер смог дать ход. Вся поверхность реки была усеяна обломками палубы, мачт, мебели. Вражеский корабль медленно оседал кормою в воду.

– Шестаков! Атакуй! – прокричал Дубасов на «Ксению».

Два раза повторять не пришлось: «Ксения» тотчас дала полный ход. Шестаков, несмотря на продолжавшийся орудийный огонь, вплотную подошёл к левому борту повреждённого броненосца и взорвал свою мину прямо под артиллерийской башней, ведшей беспорядочный огонь по катерам. Раздался взрыв, за ним второй – от сдетонировавшего боезапаса – и турецкий броненосец камнем ушёл на дно.

На катерах кричали «ура», обнимались и целовались. Но радоваться было рано: на оставшихся двух турецких кораблях уже опомнились и, подняв пары, выбирали якоря. Командующий отрядом Ариф-паша был в бешенстве. Более точным стал и огонь неприятеля: теперь турецкие снаряды ложились всё ближе и ближе к катерам. Надо было уходить, и как можно быстрее.

– Уходим, ребята! – махнул рукой Дубасов азартно палившим по туркам из револьверов катерным командирам. – Мы своё дело сделали!

Из официального сообщения:

«В ночь с 13 на 14 мая 1877 года четыре катера под командованием Дубасова вышли в доход к месту стоянки турецких кораблей. Светлая ночь и ветер, далеко разносивший по поверхности воды шум катерных двигателей, значительно осложняли проведение операции. Турки, видимо, ожидали какой-то активности с нашей стороны и были настороже: три корабля стояли на якорях под парами, прислуга спала около орудий, а на палубах ходили часовые. Дубасов приказал остальным катерам быть в готовности, а сам дал полный ход и устремился к самому большому монитору. Часовой поднял тревогу, когда катер находился на расстоянии около 60 метров. Турецкие артиллеристы стали быстро наводить кормовое орудие, но при выстреле оно дало осечку. Затем ещё две осечки. Этого было достаточно. Катер Дубасова подошёл к корме монитора. Его мина была взорвана так, чтобы сразу поразить винт, руль и кормовое орудие. Монитор получил серьёзное повреждение, но продолжал

сражаться. Открыли огонь орудия его центральной башни, стреляли пушки других кораблей, очень интенсивным был ружейный обстрел. В этих условиях второй катер под командой лейтенанта Шестакова подошёл вплотную к борту монитора. Матросы быстро подвели мину под днище и взорвали её прямо под артиллерийской башней. Турецкий корабль начал тонуть, но ружейный огонь с его палубы по катерам продолжался. Шестаков отстреливался из пистолета, а его матросы вели беглый огонь из ружей».

На отходе не обошлось без волнений. «Ксения» Шестакова запуталась винтом в обломках затонувшего броненосца и едва не сделалась жертвой пришедших в себя турок. Под градом осколков и пуль матросы, ныряя за борт, очистили винт, и катер без потерь смог дать ход. Обошлось! Нелегко пришлось и флагманскому «Цесаревичу», на котором команда всё ещё продолжала откачивать воду помпой и ведрами. Уже светало, когда все четыре катера лихо ошвартовались у причала Браилова.

Из официального сообщения:

«Наши катера получили серьёзные повреждения. Катер Дубасова был полностью залит водой, матросы откачивали её ведрами. На катере Шестакова обломками монитора заклинило винт. Под огнём противника моторист нырял в воду, чтобы очистить его. Третий катер получил большую пробоину в корме, пришлось подойти к занятому врагом берегу и заделать её. Более десяти минут находились наши катера под непрерывным огнём противника. Стало быстро светать, и, как только все катера вновь обрели способность двигаться, Дубасов дал команду к отходу, а сам подошёл к осевшему на грунт монитору и снял с него кормовой флаг. После этого все четыре катера благополучно и без потерь возвратились на базу».

Героев встречали командир браиловского отряда генерал Салов и каперанг Рогуля. Участников победной атаки качали на руках, обнимали, поздравляли с успехом. В общем веселье не участвовал лишь один Дубасов: этого успеха лейтенанту было мало. В тот же день, взяв нескольких матросов, он на шлюпке вновь отправился к потопленному монитору и на глазах у изумлённых турок снял с него флаг (в официальном сообщении перепутали время снятия флага. – В. Ш.). Ликующие сотоварищи устроили ему восторженную встречу.

– Теперь ты, Федя, у нас главный специалист по снятию флагов с потопленных кораблей! – шутил каперанг Рогуля.

– Были б корабли потопленные, а флаги мы с них всегда снимем! – отвечал Дубасов под общим смех.

В тот же день каперанг Рогуля отправился в Плоешти к главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Александровичу с докладом о произведённой атаке. Каперанга встречал адъютант императора Струков.

– Твой Дубасов опять отличился, – пожал он руку Рогуле. – Великий князь желает его видеть непременно.

Пока Рогуля докладывал главнокомандующему все обстоятельства дела, в Браилов ушла телеграмма о немедленном вызове Дубасова и Шестакова в Плоешти. В назначенное время оба были на месте. На торжественном обеде, устроенном в честь героев-моряков, звучало немало тостов.

Был потоплен один из лучших мониторов, гордость турецкого флота – «Сейфи». Александр II приказал передать кормовой флаг монитора в Морской корпус (военно-морское училище). Пусть этот подвиг послужит развитию и укреплению в молодом поколении будущих моряков геройского духа, которым всегда отличался наш флот, отметил он в поздравительной телеграмме.

Через несколько дней в ставку прибыл и Александр II. Император успешной атаке под Браиловом обрадовался несказанно: ведь это был первый крупный успех в только что начавшейся войне. «Сердце моё радуется за наших молодцов-моряков», – телеграфировал император генерал-адмиралу великому князю Константину в Санкт-Петербург. Дубасова с Шестаковым Александр II награждал самолично. Вручив Георгиевские кресты, обнял их и сказал:

– Я горжусь вами и в лице вашем – всем моим флотом!

Это были первые георгиевские награждения в только ещё разгоравшейся трудной и кровопролитной войне. Не были оставлены наградами и рядовые участники той исторической атаки. Георгиевскими кавалерами стали: минёр Василий Стёпин и машинный унтер-офицер Гусев, кочегар Кичаковский и машинист Иван Иванов.

Имя героев Дуная было в те дни на устах каждого россиянина. Много лет спустя известный кораблестроитель и академик А. Н. Крылов напишет: «Подвиг лейтенантов Дубасова и Шестакова заставил всех мальчишек мечтать о морской службе... Я заявил отцу: „Отдай меня в Морское училище...“»

По всей России распевали кем-то сочинённые куплеты:

*Героев дух над нами веет,
Благословляет нас и греет
И в боевых деяньях зреет
Лихая партия «орлов»!
И вновь сердца у нас трепещут,
И через край в нас радость хлещет,
И вновь героям рукоплещут!
Дубасов, Скрьдлов, Шестаков!
Все имена нам дорогие,
В скрижали флота золотые
Внесли вы подвиги лихие,
Как ваши деды и отцы!*

Война между тем продолжалась. И несмотря на то что фронт ушёл уже далеко за Дунай, забот у моряков хватало. В низовьях реки ещё базировались турецкие броненосцы, грозя набегами переправам российских войск. Постепенно, шаг за шагом, их оттесняли минными полями всё дальше и дальше. То и дело происходили яростные схватки – турки сопротивлялись отчаянно. И снова впереди под пулями был Фёдор Дубасов. Снова, день за днём, выводил он в бой минные катера, подтверждая репутацию бесстрашного. Наградой за дерзкие рейды была ему георгиевская сабля с лаконичной надписью «За храбрость» да звание флигель-адъютанта императора с золотым аксельбантом на грудь.

Несмотря на напряжённую боевую деятельность, Дубасова по распоряжению великого князя определили ещё и к... преподавательской работе. В перерывах между боями и походами герой Дуная читал лекции в Кишинёвском минном классе, обучая слушателей обращаться с зарядами и минами.

Уже после окончания войны в 1879 году Дубасов был назначен командиром отряда мелких судов, с поручением устроить минные заграждения на реках Дунай и Серет. За успешное выполнение этого задания был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами. За время минных постановок не раз приходилось вступать в перестрелки с многочисленными бандами башибузуков, так что работа была по-настоящему боевая и лихая.

А затем Дубасову, неожиданно для него, пришлось принять участие в судебном процессе по делу о яхте «Ливадия». Дело в том, что, совершая переход из Севастополя в Николаев, огромная царская яхта, несмотря на хорошую погоду, села на скалы у Тарханкутского маяка.

«Ливадию» спасали всем Черноморским флотом, но снять её так и не удалось: ветер и волны в несколько дней разбили её окончательно.

В качестве эксперта на судебное заседание, проходившее в апреле 1879 года в Николаеве, был приглашён и Дубасов, находившийся в тот момент в городе в ожидании нового назначения.

В Париже в те дни уже полным ходом шли мирные переговоры, и всем было очевидно, что главным итогом Парижского мира станет отмена позорных статей о запрещении России иметь военный флот на Чёрном море. Предстояло скорое возрождение Черноморского флота. Принять участие в столь важном для Отечества деле желали многие молодые и энергичные офицеры. Желал этого и Дубасов, а потому приглашение экспертом воспринял как начало своей службы на Чёрном море.

Председательствовавший на суде вице-адмирал Кушакович дал совет молодому офицеру:

– Дело здесь, Федя, ясное, так что говори более фразами общими. Яхты уже не вернуть, а людей мытарить нам нечего. Посияй на трибунке орденами, да и садись на своё место!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.